

Литературная газета

Орган Оргкомитета Союза Советских Писателей СССР и РСФСР

В. БАГРИШКИНО, А. ВОМОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛЕДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, П. СЕЛЬВЕРСКОГО, М. СУБОКОГО и СВЕРЖАНСКОГО, М. ЧАРНОГО, И. УСИВИЧ.

№ 57 (373)

8 МАЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

ПЯТЬ БЕСЕД О ЛИТЕРАТУРЕ

НОВЫЕ пушкинские материалы

На заседании московского отделения пушкинской комиссии Академии наук

С большим интересом выслушала собранный доклад М. А. Цуклянского о пушкинских текстах и целом ряде связанных с именем Пушкина материалов, обнаруженных в приобретённых недавно Центральным музеем художественной литературы, критики и публицистики.

Одним из крупнейших приобретений следует, конечно, считать т. II «рукописей Всеволодского» — тетрадь, проиндексированную, как известно, в 1820 г. Пушкиным на карты Всеволодскому. Полная история этой рукописи еще не выяснена. Известно лишь: что в 1933 г. в Белграде некий чиновник Обрадович явился к сербскому переводчику русской литературы Максимовичу и передал ему рукопись Всеволодского, переделанную к нему, по его словам, в наследию от деда, который в свое время приобрел эту рукопись у одного из друзей Пушкина — поэта Ф. Туманского.

Как попал рукопись к Туманскому, как она перешла к делу Обрадовича, почему семья Обрадовичей сохранила это в тайне до прошлого года, — все это обстоятельство, для выяснения которых придется еще потратить немало времени.

У Нины дома много классиков, она их перечитала и «для души» и по заданию педагогов. Нина любит сильные, яркие книги и романтику. Гоголя всего перечитала и особенно понравилась ей «Отверженные». Впечатления же «Герой нашего времени» Лермонтова.

Николай, в 7-й образовательной школе ЮНО, здесь, в уютной пионерской комнате, мы беседуем с юной читательницей.

Нина Любуш — пионерка, ей 14 лет. Вначале она несколько смущается от такой беседы: ведь это ее первое чтение. Но скоро привыкает к задаванию вопросов. Она рассказывает о прочитанном, о впечатлениях, о любимых авторах.

Нина любит читать Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова, Солженицына, Эренбург, Булгакова, Маяковского, Маяковского, Маяковского.

Нина признается: «Я Лукашевич много читала. И Черскую: «Княжна Давалха», «Люда Блосовская»...»

Нина и как, правится? «Нина в нерешительности: ведь она — юный член пионеров.

И правится потому, что о жизни девчат пишут, о смелых девочках, как Давалха... А теперь совсем мало пишут о нас...»

Очень люблю книги о колхозах, хотя с деревней и не связана. Научную фантастику люблю...

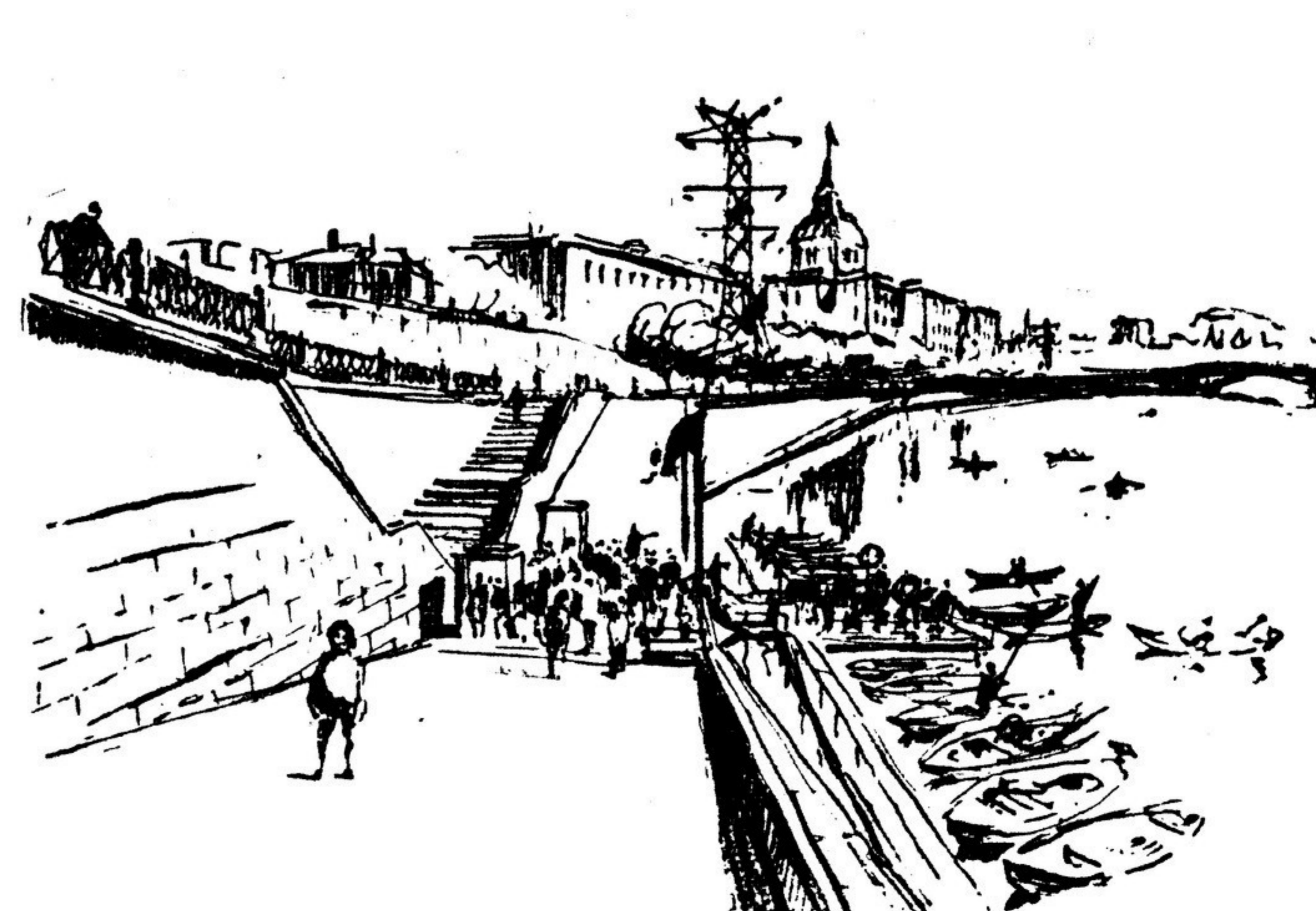
Мы видели пять читателей разных профессий, возрастов, вкусов. Они предъявляли разные требования. Но все эти требования сводятся к одному: дайте литературу высокого мастерства, высококачественную литературу социалистического реализма.

И может быть, товарищ писатель, когда вы возьмется за новую книгу, вы будете иметь перед глазами образы этих читателей — академика, директора завода, пионерки, рабочего поэта, профессора...

НИК. ЛЕВИЦКИЙ.

НОВАЯ МОСКВА

Рас. Д. Рубинштейна

У МОСКВРЕЦКОГО МОСТА.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

- Сегодня в Ашхабаде открывается съезд туркменских писателей.
- Кеммеровский горпрофсоюз организовал университет культуры выходного дня. В программу включены проблемы экономики и текущей политики, философия, история, естествознание, вопросы техники, литературы и искусства.
- Подведены итоги смотря рабочих дарований на «Нрасном путеводце» (Ленинград), в котором участвовало 400 чел. 12 наиболее одаренных певцов, музыкантов и танцоров направлены на учебу в консерваторию и хореографический техникум. Члены жюри — народный артист республики Андрейев, заслуженные артисты Печковский и Кукулин в порядке индивидуального шефства обязались заниматься усовершенствованием рабочих, посланных учиться.

УСТАВ Союза писателей

Опубликованный Оргкомитетом «Устав Союза советских писателей» является важнейшим документом литературного развития писательских организаций.

В «Уставе» изложены как теоретические принципы советской литературы, так и организационные формы работы всех звеньев Союза советских писателей.

Особое внимание в «Уставе» уделяется принципиальным вопросам советской литературы. С большой теоретической точностью сформулированы основные принципы социалистического реализма.

Социалистический реализм, говорит в уставе, является «ОСНОВНЫМ МЕТОДОМ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ».

Это положение устраняет всякие приволки и пустые споры о том, чем является социалистический реализм: стилем или направлением.

Понятие метода в марксизме определено исчерпывающе. Метод — руководство к действию, а не собрание нанизанных канонов. Но метод требует его обстоятельной и теоретической разработки. Метод не оторван от живого конкретного дела советской художественной литературы. То, что дается в программе художественного творчества, необходимо обстоятельно анализировать, теоретически осмысливать. Только такая работа над методом сделает его действительно руководством в художественном творчестве. Далее в «Уставе» указывается, что социалистический реализм складывается как метод советской литературы на основе критического ОСВОЕНИЯ литературного наследия прошлого, с одной стороны, с другой — в результате изучения опыта победоносного строительства социализма и социалистической культуры.

Социалистический реализм, таким образом, есть результат всего предшествующего развития мировой истории литературы, он наследует все лучшее, что было в литературе прошлого. Это обязывает и писателей и критиков и обстоятельно критическому освоению классической литературы предшествующих веков.

Но социалистический реализм как метод советской литературы родился только на основе складывающихся социалистических производственных отношений. Он есть продукт советской действительности, порожденный творческой практикой советских писателей, работающих над художественным изображением героической борьбы рабочего класса по завоеванию и утверждению диктатуры пролетариата и строительства социализма.

Прошлое литературное наследие входит в социалистический реализм исключительно через социалистические отношения, т. е. критически освоенные с точки зрения пролетариата.

Социалистический реализм, говоря в «Уставе», представляет собой ограниченную возможность творческого выравнивания писателей, он обеспечивает широкую возможность развития многообразия жанров, приемов, стилей художественного творчества.

Это особенно необходимо отметить, так как среди литераторов еще встречаются люди, которые не прочь были бы все дело упростить до такой степени, чтобы подстричь всех под одну гребенку: писать по шаблону, который нашел свое выражение у того-то писателя.

С другой стороны, есть попытки отторжения социалистического реализма для отдельных жанров. Например, ходят «теоретик», что, мол, социалистический реализм в поэзии не применим.

В «Уставе» развернуто сформулированы задачи Союза советских писателей. Союз советских писателей ставит задачей активное участие писателей своим художественным творчеством в социалистическом строительстве, воспитание трудящихся людей в духе социализма. Широкое интернациональное воспитание писателей и участие писателей своим творчеством в международной борьбе революционного пролетариата.

П. ЮДИН.

Мы в кабинете автора проекта Днепропроста — академика Ивана Гавриловича Александрова. Он строгий и требовательный читатель, он требует одинаковой точности и мастерства и от строителей гидростанций, и от инженеров человеческих душ.

— Что я читаю? Признаться, я недостаточно знаком с последними художественными новинками, которые порой почти невозможно достать. Недавно прочитал «Энергию» Ф. Гладкова, «Гидроцентр» М. Шагуня, «Скутаревского» Л. Леонова, кое-что В. Лаврентова, Алексея Толстого...

Впечатления? Не скрою, наша литература меня мало удовлетворяет. Первое и главное, что поразило меня в этих книгах, — это неумение глубоко видеть жизнь, нарисовать ее, схему. От многих современных книг у меня впечатление как от древнегреческой трагедии — маски «героев» и «злодеев», а не живые типы борющихся людей в сложнейших ситуациях, с разнообразными чувствами. Например, «Энергия» Гладкова — схематическая вещь. Я много бывал на стройках, но образы этой книги мне не знакомы. Не знает автор стройки и ее людей по-настоящему, в технике ничего не понимает. Ходухны его типа «твердокаменные» большевиков. Нет, настоящие большевики, которых я видел на Днепре, не такие, как у Гладкова.

Гидроцентр — лучше, теплее. Но вот «Скутаревский» Леонова — сплошь надуманная вещь. Или пьеса Ю. Олеши «Список блаженных» — хороший язык, а людей нет, они воплощенные абстракции...

Даже в пьесе «Страх» Афиногенов этой парочкой не избежал. Мало знают наши писатели жизнь, ее «игру ском». Почему у Горького так жидко, так высушены его образы? Потому что он своих героев видел, руками шушал, прочувствовал. Я требую от писателя глубокого понимания жизни и большой искренности, а не предвзятого штампа.

Что мне понравилось в литературе и театре? Очень хороша «Итервенция» Славина. Образы революции близки к истине. Кажется, что видел таких людей в жизни, чувствуешь их, понимаешь...

Абсолютно прав А. М. Горький, опоясавший против заросности языка. Писать часто коряво и выдают это за народный язык. А говорят наши рабочие и крестьяне совсем не так, как в художественной литературе. Видна нарочитость интеллигента. Побольше бы писателей чувствую реальную жизнь, тогда и образы, и язык пойдут.

Вот кстати и второй мой упрек современным писателям. Культура мало: мастера, упрости в труде — вот чего не хватает. Посмотрите, какие блестящие стилисты Флобер, Мопссан, Диккенс или Ремис, Ремис, Ремис. Какая блестящая вещь «Письмо о Гайвате» Лонгфелло.

Я недавно прочел присланную мне из Англи книгу «На молчание» (автор не помню). Содержимое убогое — какие-то ископаемые сверхчеловеки перебирают мир на фашистский образец. Но книга эта — огромный мастерства. Или вот картины художников в Парижском салоне; ничтожные темы — весна, вечерние сумерки и т. д., но какое исполнение. Какая огромная выучка.

У наших же литераторов много торопливости, суеты и мало упорного труда. А вспомните, как работали величайшие читальские художники: они целыми годами только краски мастерам растирали да грунтовали холст, но в конце концов как-то получались результаты...

Провожа к дверям седой академик еще раз добавляет:

— Да, и инженеру, и писателю нужна острейшая культура.

Мы едем к заставе, на окраину, туда, где высятся серые корпуса горнодобывающей страны — завода паралимпоников имени Л. М. Кагановича. Напряженной, кипучей жизнью живет завод-гигант. И столь же напряжено и упорно работает директор завода, бывший путловский пролетарий, Андрей Михайлович Борова. С 8 часов утра до 12 часов ночи — его рабочий день. Много читает — приходит Андрей Михайловичу: проекты, докладные записки, технические статьи. И очень мало остается времени на чтение художественной литературы. И может быть, потому скрытая горечь звучит в его голосе, когда он говорит нам:

— Плохо вы выбрали читателя. Отстаю, читать совершенно некогда. Газеты просмотреть не успеваешь, письмо матери нераспечатанным лежит. Был я в Америке, поражаюсь узкому техницизму американцев. А теперь, когда мы сами боремся за технику, мне кажется, есть эта опасность и у нас, советских хозяйственников. Хорошо ли, плохо ли, но это факт.

Раньше, когда был я рядовым работником, читал в десять раз больше и в десять раз чаще ходил в театр. Увлекался литературой, литературные доклады устраивал, на курсах занимался. В музей экскурсии ходил...

Что я все-таки прочел из нового? Вот больше всего мне запомнились «Тихий Дон» Шолохова. Живая, яркая, талантливая вещь. А в театре — «Мой друг» Погодина — замечательная пьеса. Верно показаны наши люди; образно, красочно, интересно.

Но вообще-то, вы меня извините, — Борова виновато убогаешь, — не люблю я современной литературы. Я в этой области реакционер, — шутиливо добавляет он. — Все-таки бледно показывается жизнь в новых книгах. Да и выкрутасы любят, не пишут просто. Знаете, такая внешняя революционность в словах. «Вот бы, мол, что-нибудь завернуть такое». Зачем это? Ведь русский язык красочен, образен, ярок. Классики ни в советские пользование: зачем тут еще выдумывать. Ведь пользуется же мы старыми, при капитализме созданными, машинами; они нас обслуживают, лу и чорт с ними, что они капиталистические. То же и в литературе. Ты возьми старые слова, а в них вложи новое содержание. И старый язык великолепно будет служить социализму.

Вот и Мейерхольд не люблю за выкрутасы, хоть и хорошие у него работы есть. А мхатовцы, по-моему, были и останутся первыми.

У кого учиться нашим писателям? Конечно, прежде всего у великого мастера пролетарской литературы А. М. Горького. Ведь до революции на его книгах целые поколения революционеров воспитались. Помню, как, бывало, примешь в 10 часов вечера с завода, усталый, поешь — и до утра зачитываешься Горьким.

Ну, и у старых писателей, у Тургенева, а больше всего у Пушкина есть чему поучиться.

Тов. Хостин — проходчик шахты № 13-14 московского Метростроя. Бывший токарь завода «Спартак», член ВКП(б), он добровольно пришел на шахту по призыву МК большевиков. В прошлом — семилетка, завод. В настоящем — спесовка шахтера, ударный коммунистический труд под землей, активная работа в шахтном комитете. Был он страстным любителем чтения, теперь читает меньше: нет времени и библиотеки. Прочитанные книги он знает обстоятельно, подробно передавая содержание каждой.

— С интересом читал «Пусанму» Новиков-Прибыло и «Бруску» Панферова... Есть захватывающие места. Читал — и не мог оторваться. Ярко показаны классическое рассказе и борьба в деревне в 1929—30 г. в разгар коллективизации.

В один присест прочел недавно и

П. ЮДИН.

Всемирное развитие национальных литератур и братская помощь литераторам национальных республик. Воспитание новых кадров советских писателей.

Основная задача Союза сформулирована с предельной ясностью: «СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СТАВИТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЫСОКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ, НАСЫЩЕННЫХ ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБОЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ПЛАФОНОВ ПЕДЕ СОЦИАЛИЗМА, ОТРАЖАЮЩИХ ВЕЛИКУЮ МУДРОСТЬ И ГЕРОИЗМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СТАВИТ ЦЕЛЬЮ СОЗДАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ДОСТОЙНЫХ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА».

Высокие цели, поставленные перед союзом писателей, обязывают предъявить и очень высокие требования к союзу в целом и к каждому члену союза. Союз является добровольной организацией. Но не всякий желающий вступить в союз должен быть принят даже в том случае, если он удовлетворяет необходимым политическим требованиям. Политические требования — необходимость быть сторонником советской власти и участвовать в социалистическом строительстве, — это условие, без которого вообще не может быть разговора о вступлении в союз СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Кроме этого решающего требования есть еще особое требование — быть решительным — возможность приема в союз: чтобы быть членом Союза писателей, надо быть ПИСАТЕЛЕМ. Да не просто умеющим написать повесть, рассказ, книгу, а писателем вполне квалифицированным.

В «Уставе» совершенно ясно и правильно сформулировано требование и вступающему в союз: «Членами Союза советских писателей могут быть писатели (беллетристы, поэты, драматурги, критики), стоящие на платформе советской власти и участвующие в социалистическом строительстве, систематически занимающиеся литературным трудом, имеющие художественные или критические произведения, напечатанные в отдельных изданиях или в литературно-художественных или критических журналах (а также ставящиеся на профессиональных и клубных сценах), И ИМЕЮЩИЕ САМОСТЯТЕЛЬНО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЛИ НАУЧНОЕ (критические работы) ЗНАЧЕНИЕ».

Мы особо обращаем внимание на последнее подчеркнутое положение.

Только те писатели и критики могут быть приняты в союз, творчество которых имеет САМОСТЯТЕЛЬНОЕ значение, т. е. люди, с высокой творческой квалификацией.

Необходимо создать такое положение, чтобы для молодого писателя вступление в члены Союза было стимулом учебы, большой творческой работы. Право членства в союз должно быть заработано большой учебой и хорошими произведениями. Не всякий написавший книжку и даже несколько книжек может быть членом Союза. Членом Союза может быть тот, кто дает художественное произведение высокого художественного качества.

Известно, что в Москве в профсоюзной организации (тан называемый горком писателей) около 1500 членов. В Ленинграде и Харькове членов профсоюз писателей насчитывается 800—1000 (в каждом городе).

Совершенно очевидно, что такого количества квалифицированных писателей мы не имеем. В «писателях» ходит много случайных людей и начинающих писателей. Начинающий писатель еще не писатель. Некоторые, далеко не большинство, будут писателями, а остальные займутся другой, более для них подходящей работой. Без преувеличения можно сказать, что большинство членов профсоюз писателей в члены Союза писателей не будут приняты.

Звание члена Союза советских писателей надо поднять высоко в общественном мнении.

Задачи перед союзом стоят большие. Они могут быть выполнены при условии большой и напряженной работы всего Союза советских писателей.

Первый съезд должен положить начало большой организационной работе по борьбе за художественную литературу, достойную великой эпохи социализма.

Вот и Мейерхольд не люблю за выкрутасы, хоть и хорошие у него работы есть. А мхатовцы, по-моему, были и останутся первыми.

У кого учиться нашим писателям? Конечно, прежде всего у великого мастера пролетарской литературы А. М. Горького. Ведь до революции на его книгах целые поколения революционеров воспитались. Помню, как, бывало, примешь в 10 часов вечера с завода, усталый, поешь — и до утра зачитываешься Горьким.

Ну, и у старых писателей, у Тургенева, а больше всего у Пушкина есть чему поучиться.

П. ЮДИН.

ПРИЧУДЫ ЛЕВОИ НОГИ... МТП ЗАСОРЯЕТ КНИЖНЫЙ РЫНОК ХАЛТУРОЙ и БРАКОМ

ДОБРЫЕ СЕРДЦА РУКОВОДИТЕЛЕИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Брак в любой отрасли производства, как известно, не только не вреден, но и вреден. Брак в области идеологической вреден и опасен вдвойне. Потому совершенно естественны тревога и осторожность литературной общественности, которые обращены сейчас к издательству МТП.

Брак в области литературы — это не только книги с явными политическими ошибками, не только пошлые приспособленческие произведения, но и книги заурядные, перешагнувшие в область идеологической вредности и смирности. Перешагнувшие в область идеологической вредности и смирности.

«Литературная газета» да и уже несколько тревожных сигналов руководству МТП, поместив ряд отрицательных рецензий на его продукцию. 8 апреля газета прямо и резко говорила о том, что «издательство МТП является поставщиком литературного брака. Наибольший процент отрицательных отзывов критики приходится на книги, выпускаемые этим издательством».

Как восприняли этот сигнал члены Московского товарищества писателей и руководел?

На другой же день после выхода газеты созывается собрание актива. Преобладали в нем «общие» темы. Ведущий тон выступления — ругань по адресу «Литературной газеты».

Вместо тревоги за свое издательство, вместо поисков причин которые привели к совершенно неопытным размерам брака, вместо предложений о том, как устранить его, некоторые члены товарищества квалифицируют статью «Литературной газеты» как «хулиганство», как «злокачественные методы желтой прессы», как «злобные попойки», как «приемы царского застенка». Большинство членов товарищества в состоянии заштыкованности и раздражения забывают о том, что навоевали страну, строящую социалистическую культуру, 40 процентами брака, а по боковому званию руководителя издательства тов. Шульца даже 60, — это значит тормозить развитие культуры; засорять художественную литературу браком, — это значит засорять сознание трудящихся; тратить строго ограниченные бумажные лимиты на вредные, пошлые и заурядные произведения — это значит отнимать бумагу у классических произведений и лучших образцов советской литературы в тот момент, когда страна испытывает в них острую нужду.

Все эти бессосудные положения и уношения из виду руководству издательства МТП. Только безответственность и потерей политической бдительности можно объяснить такой высокий процент брака.

О чем говорит такой промах издательства, как попытка издать тринадцатый псалм на партию? (Партия — это же не партия?)

РУБЕЖОМ

РАБОЧИИ ТЕАТР В АМЕРИКЕ

В апреле Лига рабочих театров организовала в Чикаго фестиваль национальных театров.

В последнем соревновании нью-йоркских рабочих театров, состоявшемся в марте в Файф авеню театре, принимала участие восемь трупп. Лучшими оказались украинская рабочая драматическая группа и рабочий лабораторный театр.

Американский революционный писатель и критик Майкл Голд в специальной статье о рабочем театре Америка «Сцена, которую не знают критики», пишет следующее: «Три года назад в Америке не было и десятка рабочих театральных групп, а сейчас их уже более трехсот. Эти труппы выступают на собраниях бастующих рабочих, на улицах, в школах, в парках, в общественных местах. Это острая школа. Но она учит новому и мощному театру в нем. Рабочий театр стоит на пути к большому достижению. Не много пройдет времени, когда дадут буржуазные критики начать понимать, что у них носом вырывается новое театральное искусство и (к счастью) без помощи их советов».

Майкл Голд высоко оценивает идейность и мастерство рабочих театральных трупп.

«Рабочий театр, — указывает Майкл Голд, — оживляет, вдохновляет, вселяет бодрость. Он имеет будущее, верит в него и заставляет верить других».

БИОГРАФИЯ ТОМАСА МОРА

Биография Томаса Мора «Томас Мор и его друзья, 1447—1535» вышла в лондонском издательстве Миллфорд.

По мнению английской критики, эта биография дает интересный материал, несмотря на то, что по счету она является, по меньшей мере, двадцать латой.

ХРОНИКА

В издательстве «Литературный Букс Пресс Лимитед» вышел справочник «Кто есть в литературе». Издавшие 1934 г., значительно дополненное. Книга содержит биографии писателей, список 1900 имен живущих и умерших авторов, список литературных учреждений и другой справочный материал.

«Личное и общественное»). Попробуй, прелестная Галактион. О чем говорит вышесказанное, идеализирующей приспособленческой книги Виноградова «Восток и Запад»?

Выпуск произведения Л. Гроссмана «Бархатный диктатор», книги беспартийной в классовом анализе диктатуры Лорис-Меликова и косвенно утверждающей классовую теорию о том, что виновницей революции была партия «Народной Воли»?

Какие политическим и художественным критериям руководствовались издательство, когда оно четыре раза за год переиздало пошлые и приспособленческие книги С. Бройде, когда оно выпустило грубо натуралистическую и художественно слабою книгу Шарова «Большаком»?

Куда была направлена бдительность редакционного аппарата, если семь книг были полностью изъяты, шесть задержаны для существенных исправлений и сорок две потребовали значительной политической правки.

Для того, чтобы вскрыть причины столь «продуктивной» деятельности издательства, достаточно было ознакомиться с системой его редакционной работы.

Общая черта и безответственность, погоня за приработком, штемпелевание рукописей вместо редактирования их — вот основные показатели этой системы.

Наибольший процент отредактированных рукописей приходится на долю трех руководящих работников издательства: тт. Шульца, Тарпана и Острогорского. Они дают рецензии тем. Некоторые рукописи лежат у них не более суток. Некоторые непосредственно из рук авторов попадают в производство. В этом состоянии верх берет председатель правления Шульц, — тридцать процентов всей продукции идет за его подписью!

Руководству издательства свойственна не только стремительность, но

и «большая гибкость». Когда строптивый редактор-коммунист отказывается редактировать рукопись как непригодную (Бройде «Судья народные»), руководителем передает рукопись неприязнательно беспартийному редактору, рукопись безжалостно идет в производство, а впоследствии сам же руководитель издательства вынужден вести предложение о том, чтобы расписать ее набор.

«Строго выдержанная система» редакционной работы приводит и к таким казусам, когда после редакторско-коммунистического беспартийного правки вынужден внести предложение об изъятии значительной части материала, как политически недоброкачественного, и редактору ничего не остается, как принять предложение.

Качество принятой рукописи в основном опреаляет внештатный состав рецензентов в большинстве своем беспартийных и малоквалифицированных.

Главный редактор издательства тов. Тарпан обезличен. Его функция сводил на себя зав. издательством Шульц, рассчитывая, как видно, на свою большую квалификацию и более обстоятельную политическую бдительность. Он же единолично руководит договорной политикой издательства.

«Своеобразные» формы уравниловки в поощлении квалифицированных авторов и в ущерб для более квалифицированных отнюдь не случайны в практике руководства.

Прихотливый и независимый издатель оплачивает переиздание необходимых изданий книг выше чем первые издания авторских произведений. С. Бройде получает за переиздания больше, чем Ставский, Либманский, Кочин и др. за новые произведения.

Такие авторы, как Можаровский, Волчанский, «бюблекрист» Гансбург,

Лугин и др. в некоторых случаях уравниваются, а в некоторых поставлены в более выгодные условия, чем квалифицированные писатели.

За компилятивную работу руководство платит больше или столько же, сколько за оригинальную: репортер Крупнов получает больше, чем писатель Гервальд и столько же, сколько ряд молодых и талантливых писателей.

Широкая натура издателя позволяет платить далеко не первоклассным авторам по 1000 рублей с листа: Крептюкову при пятидесяти тысячах тираже, Бройде — при десяти тысячах. Губеру при десяти тысячах и самому себе (начинающему) из скромности при пятидесяти тысячах. Своеобразный метод поощрения, навешиваний на тревожные размышления! Чем руководствовались издательство, когда выплатило автору Волчанскому 17.400 р. за не представленную рукопись и за книгу «Заворука», первое издание которой было встречено в 1930 г. резко отрицательно прессой и партийным высказанием редактору? Чем руководствовались издательство, когда за неизданные книги выплатило Можаровскому 12.085 р.?

Еще более «своеобразна» практика издательства в системе выплаты гонораров. Она приводит к тому, что весьма сомнительные по качеству авторы получают все 100 процентов гонорара задолго до того, как показывали издательство хотя бы издали свою рукопись. А вместе с тем квалифицированные писатели и средние писатели-коммунисты не получают того, что издательство обязано им выплачивать за вышедшие и выходящие в свет книги.

Иными словами, сомнительные по творческим показателям писатели получают деньги квалифицированных, а в конце 1933 г. задолженность издательства авторам достигла 650.000, т. е. превысила норму в 6 раз.

Этот особый метод «срадения» в особо благоприятная атмосфера возрастания не только большое количество литературных паразитов и помогли созреть такому сочному плоду, как главный бухгалтер Лапчинский, но и засорили портфель издательства в 1933 г. Но скромным подсчетом руководителей чистка портфеля потребует еще расходов в размере 200.000 в 1934 г. В действительности, чтобы очистить портфель от недоброкачественных и безнадлежащих рукописей и привести их в норму, соответствующую бумажным лимитам издательства, потребуются большие затраты. Иными словами потеря классовой бдительности будет стоить издательству не менее полутора миллиона рублей.

Такой итог говорит об отсутствии бюджетной и сметной дисциплины в издательстве. Если же к этому прибавить что договорный портфель его превышает норму в четыре раза, редакционный — в два, незавершенное производство увеличено вдвое, то становится совершенно очевидным, что понятие дисциплины и хозяйственного расчета превратилось в сознании руководства в свою прямую противоположность — безудержность, в причуды левой нога.

Особого внимания заслуживают договоры МТП с рядом хозяйственных организаций (Сюзюмшнина, Главное управление авиационной промышленности, «Игла») на издание книг, освещающих рост этих отраслей промышленности. Эти организации уплачивали МТП около 100.000 руб. Руководство радуюно и заблаговременно роздало их авторам, в большинстве мало квалифицированным, по 10.000 на каждого, и до сих пор ни одной книжки не выпустило.

Самое, отсутствие системы от-

четности и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Во всем стиле работы издательства сказывается его самобытная природа. Хозяйственная непринужденность, одноличные причуды, «широкий размах», интуиция и «творческие порывы» — это наиболее характерные ее черты.

Безудержность руководителя правления поистине стихийна. Он презирает указания ревизионной комиссии на необходимость прекращения заключения договоров, он с той же непринужденностью относится к предостережению партийных органов и совершенно безжалостно заключает в апреле еще новые договоры на 100 печатных листов. Этот апрельский парадокс несет в себе особенно тревожные симптомы. В него попадают как раз те авторы, которые казались бы должны были вовремя закрыть плотину: председатель ревизионной комиссии и члены правления.

«Независимость» издательства проявилась и в том методе, которым оно исчисляет свои листы отписки: половину листа оно считает за целый. Поэтому показанная им за 1933 г. цифра 9,4 млн. листов-отписок фактически равна половине, т. е. 4,7 млн.

Слабость производственного сектора, функционалка и беспомощность во всей системе работы привели к тому, что договорные отношения издательства и типографий построены на принципах взаимной амнистии. Поэтому сроки прохождения рукописей в производство иногда выходят за пределы года. Правда, бывают случаи особого форс-мажора, это с

жесткости и контроля находят последовательное отражение во всех звеньях работы издательства. Оно не имеет необходимого в социалистическом хозяйстве нормального промплана, не имеет четкого редакционного плана, не имеет развернутого отчета о своей работе за 1933 г.

Н. АДУЕВ ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ «КАК ЕЕ ЗОВУТ»

КАРИНА ТРЕТЬЯ
(Кабинет Ирины. Широкое окно. Подле стола окошечко к секретарю. Ветер.)

Ирина: Ну-с так! Значит, завтра, в четверг второго, Я со штурмом к вам в ателье воруюсь!

Да! Ваш главный помощник Женя Петрова Окончила архитектурный вуз. Будьте с ней дружны. Не держитесь, как ментор. Вы француз и артист. Так бы за рога —

Не шепчите ей на ушко комплиментов. Она насчет этого, ух, как строга! Ну, вот и все, что относится к прозе.

А теперь интимно: ваш план Галерея особенно хороша.

Ирина: О, в галерея весь мой духа!

Ирина: Вы — огромный талант, горячий и чуткий. Ваша сфера — искусство, а не ремесло! (Жмет руку.)

Ирина: Для нескольких очень лишний слов. Липших?

Ирина: Абсолютно и вполне. Касается липши до вас и до мне. (Из окошечка голова Варя.)

Варя: Запрос из Сухума. Запрос из Хесты. Счета на кирпич. На бетон. На гвозди. (Ирина подписывает и возвращается.)

Ирина: Мадам! Ви хвалить мой план. Мадам! Ви сказать — я талант! Значит, я надежд потерял не совсем!

Ирина: Мадам! Я люблю вас! Мосе! (Встает.)

Ирина: Же ву зем! Ви сменил меня только что против нежность к мой молодой коллеге.

Ирина: Ви сказать, мадам, — я француз и артист! Что ж! Я пользоваться этот двойной привилегий!

Ирина: Как артист, я бросаю неуважение! Официальный слова и формальный корректность! Как француз, я скажу: я увлек вас

Ирина: И решил: «Пардессу! Ты брат! это крепость!» Ви являса — меня как огонь ослепила.

Ирина: Ви уметь — я шататься, как пьяный матрос! Сердце начал работать с такая сила...

Варя (в окошечко): Насчет рабочей силы запрос! (Подпись. Исчезновение.)

Пьеса Н. АДУЕВА «КАК ЕЕ ЗОВУТ» была представлена на правительственный конкурс драматургических произведений и постановлением жюри включена в число рекомендуемых к постановке пьес.

Это — комедия в стихах. Действие ее разворачивается вокруг строительства образцового дома отдыха. Герой комедии — иностранный архитектор, по проекту которого осуществляется постройка здравницы. Он приезжает в СССР прежде всего как автор проекта, но, под влиянием окружающих людей, самое пребывание в Советском союзе и участие в строительстве комбинация приобретает для него иной характер — характер личной и социальной заинтересованности.

Ирина: Видеть женщин всех напий и все цвета! Но в первый раз я такая вижу. Который выше меня, а не ниже. У которой красота, да бог, а только прибавок к внутренней красоте.

Ирина: Я найти зреть то, что искаль напрасно в Калькутта, в Нью-Йорк и даже в Париж!

Ирина: Я увидеть весь мир в другая окраска! Варя (в окошечко): Ялта хочет другую окраску для крыш! (Та же игра.) (Ирина подходит к окошечку и закрывает его толстой папкой.)

Ирина: С первой минуты спрятать в душе я Ваш голос, ваш ум, вашей близки кретов. Ваши глаза, ваши ноэдри и шея, Ваша смелость и ваш повелительный тон!

Ирина: (Торжественно.) Я почетный член академии Борчестра. Я иметь первый премий на выставка в Рим! У вас есть труд! У меня есть творчество!

Ирина: Мы каждый делом своим горим! Je n'suis pas un gamin — я уже не мальшишка Mais епсоте молодой, еше un jeune homme.

Ирина: Я путаться, я взволноваться слишком... (Решительно.) Будьте моим женом!

Ирина (тихо): Ирина, спокойствие. Надо учесть Их обычай и... интересы дела. (Вслух.) Мосе... Прежде всего — благодарность за честь... (Переменные поклоны.) Быть достойной ее я бы очень хотела...

Ирина: Простите, я к прозе опять возвращусь. Я виновна, что сразу не прикрыла окошечка.

Ирина: Не привыкли на первый же день знакомства. Я их ожидать никак не могла. Помните меня без обиды и зла!

Ирина: О, мадам, я понять как нельзя лучше: Ви смеется над мой волнение и кляти! Но разве Октябрьский революция Отменила любовь через первый взгляд?

Ирина: Отменила?.. Тогда, если он не секрет, Покажите на стол мне этот декрет!

Ирина: О, я не смеюсь. Я признать должна, Что взволнована силой вашего гимна!

Ирина: Любовь с первого взгляда не отменяется. Но, чтобы быть плодотворной, должна быть взаимна.

Ирина: Помните: вы к нам пришли как участник Ведчайшей стройки всех веков!

Ирина (горячо): Сосьязлям человеку нужен был счастья! А высшего счастья — это любовь! Без нее никакая радость нет!

Ирина: Без нее мы жить как в тюрьмой дворе. Во Франс есть ише песенка, ише шан сонетте. Ее поют во все кафе, — Простой мелодий с простые стихами.

Ирина: Но такие долгие других живут! Как же зовут? Как ее зовут? Как ее зовут? Да, заглавий для песнь: «Нам ее зовут?» Минуточка... тон... Минуточка... так...

Ирина: Si l'aiguille d'un tailleur — когда у портного ходит быстрый игла — Si les vers d'un poëte, когда стих его новый

Ирина: Глубже морей и прозрачной стекла. И когда дровосек рубит весело роша

Ирина: И смеется в сильный мороз, — Вы можете прямо и просто К ним подходить с вопрос: (Привет.)

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей, мы ждем! Кто этот прекрасная дама, Которой твой труд посвящен? Мы слышим — твой сердце занело На самый полный звук, О, счастливый!.. Comment elle s'appelle?

Ирина: Как... еее... зовут?.. Si chez un cordonnier, когда ип сапожник Сделает кривой каблук — Si un peintre, когда выходит у художник

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Вместо заката — яшница а лук. Et si un maitrot когда узел у троса Завязан не в силах матрос. Вы можете прямо и просто К ним подходить с вопрос:

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Скажи нам просто и прямо, Скорей! Мы ждем!

Ирина: Это этот жестокая дама, Который тебя покинул. Который изменой уснея Прокалывает сердцу твой труп? О, мой бедный!.. Comment elle s'appelle.

Ирина: Как... еее... зовут? (Музыка. Ирина заслушалась. В широкое окне — Луна.)

Ирина (тихо): Уф! Наваждение. Песня... Луна... Чуть-чуть не размыкла и бабой не стала.

Ирина: Ну-с, товарищ директор, задача одна — Удержат во что бы то ни стало. А там он останет и будет впопыхе Милым и дельным... (Промок.) Мосе... Рене!

Ирина: (Рене очень взволнован. Молчит.) Ирина (руки ему на плечо): Ну, успокойтесь. Ну... выйдите чаю... Он совсем холодный!.. Вот так было давно...

Ирина: (Рене машинально пьет.) Я... ничего вам не обещаю... Рене (восторженно): О, Ирина! После этого следует: «Не...!»

Ирина (смеясь): Вы правы! Р

ВЫСТАВКА

МОЛОДЫХ

ХУДОЖНИКОВ

На днях в Музее изобразительных искусств открывается выставка молодых художников, организованная ЦК ВЛКСМ. Можно спорить об уровне отдельных участников ее, можно быть невысокого мнения о тех или других экспонатах ее, но нельзя не признать, что на нашем изобразительном фронте является большим достижением. О ней будут много говорить, писать, спорить, и она этого вполне заслуживает. В развитии советской художественной жизни она, несомненно, сыграет значительную роль. По существу выставка эта — замена, которой наши молодые изобразители держат на звание советских художников, и, пожалуй, экзамен, который должен дать нечто более, чем установление факта существования создавших уже молодых дарований. Он должен решить важный вопрос о завтрашнем дне советской живописи.

Особенно нас радует то, что наиболее активная часть участников выставки обнаруживает тенденции освоить художественное наследие и держит курс на классицизм. Рембрандт, Веласкес, Ренуар — не мертвые для нас имена. Признав факт роста мастерства наших молодых художников, мы должны еще выяснить, имеются ли успехи и по линии овладения советской тематикой? Являются ли работы, висющие в шести залах Исторического музея, советскими? Отражают ли они нашу напряженную жизнь, наше социалистическое строительство, наш социалистический быт? Но утверждая выше, что молодые изобразители имеют право на звание советских художников, мы тем самым признаем и советское лицо их творчества.

Конечно, проблему социалистического реализма эта выставка не решит, но все же решили и недавно закрывшиеся две большие отчетные выставки молодых художников. Да и нельзя требовать, чтобы гигантская художественная проблема была решена в течение нескольких лет двумя-тремя выставками. Наша советская действительность слишком сложна, богата и нова, чтобы ее можно было легко творчески отобразить теми художественными средствами, какими располагает наш художник. Но мы уверены в том, что тысяча рисунков и акварелей на молодежной выставке — залог того, что борьба за овладение методом социалистического реализма ведется энергично и успешно.

На фото (слева направо): 1) Шурпин — «Мать», 2) В. Павлычев — «Апри Барбюс», 3) Бубнов — «Белые в городе», 4) Павловский — «На прогулке», 5) В. Щеголов — «Машинист врубники (Донбасс)», 6) Якушева — «Юная художница».

А. НЮРЕНБЕРГ.

„ГОРЫ“

На обсуждении романа В. Зазубрина «Горы» в Оргкомитете

27 апреля и 4 мая в Оргкомитете проходили чтение и обсуждение романа В. Зазубрина «Горы». Писатель прочел несколько отрывков из второй части романа.

Обсуждение прочитанного открыл т. Федосеев, вставив на путь односторонней и несправедливой критики. Он находит, что герой романа Безуглов — не субъект действия, а объект действия других персонажей, т. е. что он пассивен.

Философия, которую т. Федосеев выдвинул из романа при помощи цитат и искусственных аргументов, состоит, по его мнению, в идее вечного биологического круговорота всего живого. Герои романа якобы все включены в общую космическую жизнь природы и только затем обнаруживают себя как существа общественные. Затем Федосеев подчеркивает чрезмерную натурализм авторского письма, особенно по отношению к пейзажу, по его мнению, в слове с маралами. — Зазубрин написал сильно, но эстетически крайне консервативное произведение, — резюмирует свое толкование Зазубрина.

Тов. Усевич резко полемизировала с Федосеевым. Соглашаясь с ним в том, что в романе действительно есть известные натуралистические описания в некоторых местах, она решительно протестует против тезиса Федосеева о том, что роман в целом — консервативное произведение. Тов. Усевич считает, что в основе романа лежит идея здоровья и плодотворная, эта идея в том, что биологическое здоровье дух индивидов не исключает их социальной пассивности. Это — полярность и стремится изобразить Зазубрин. Его натурализм не метод, а только отступление от реализма.

Тов. Сейфуллина находит, что большевик Зазубрина настолько живые люди. Что же касается необычных биографий зазубринских героев, то революция сделала их совершенно обычными, закономерными явлениями. — Роман Зазубрина — большая книга, — говорит Сейфуллина.

Затем выступил т. Юдин. Он подчеркнул, что считает роман «Горы» произведением, безусловно, советским, нужным и полезным. В этом не может быть сомнения. Таким образом, особенно ставя под сомнение политическую сторону романа, Чрезвычайно ярко изображает Зазубрин колониальную Алтаю — процесс первоначального капиталистического накопления. Сильно передано ощущение природы первобытным человеком. Однако все это не устраняет недостатков романа. Главный из них — натурализм. Тов. Юдин подчеркивает, однако, что натурализм в Зазубрина не творческий, а лишь средство для создания системы, в которой ему необходимо бороться. Словом т. Юдин настойчиво рекомендует писателю более глубоко изучить в до известной степени пересмотреть проблему взаимоотношения биологического и социального, которую он решает далеко не всегда правильно.

В. В.

В КРАЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

РАССКАЗ О ПОЕЗДКЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Это рассказ о поездке одиннадцати советских писателей в г. Горький. Группа писателей задумала новый коллективный труд — большую и всестороннюю книгу о прошлом и настоящем Горьковского края. Это говорит! Мысленно проходим этого края (вернее, бывшей Нижегородской и части Вятской губерний) в старой литературе повествовал. Керженские писатели Мельникова-Печерского, вятские самодуры Щедрина, галерея купцов и мешан Максима Горького — кто их не знает? Образы эти живут в памяти миллионов наших читателей, в них встает старая Россия, они отразили время капиталистического подъема с его талантливыми промышленниками, погибавшими от запоя, с прокатным роком волжских судовладельцев, с жизнью буйной и бессмысленной, как белая горячка.

Но уже многие годы существует новый Горький, новый край, где на берегу Оки раскинулся великодушный автомобильный завод, где в мешанине Растяпина возник город химии Дзержинск, где над Волгой вырос букашник комбинат, а по дороге в 65 процентов всей газетной бумаги, где созданы такие замечательные заводы, как Менестрель, где павловские кушары образовали большую промышленность, где возникли рабочие дворцы, где созданы новые национальные культуры (Чувашия, Марийская область, Удмуртия), где... но внимательный газетный читатель может многое за нас досказать.

Советские писатели, поехавшие в Горький, считают своим долгом и радостью, кроме очерковой своей, так сказать, литературной работы, участвовать в создании нового жанра. Мы не ошибемся, если назовем его научно-литературным. Когда Александр Максимович Горький узнал о новом замысле, он отнесся к нему с великим одобрением и сказал, что было бы замечательно, если бы идею эту потом подхватили все края и у нас возникла бы в результате неслабая история страны, радующая своей научностью и привлекающая внимание самых широких читателей своей художественностью, т. е. доступностью и образностью изложения, где сухой перечень событий заменяет живые картины.

Что нового в этом труде? Во-первых, это будет первая история края, во-вторых, это будет коллективный труд и, в-третьих, в ней будут соединены силы писателей Москвы и Горьковского края. Над грандиозным трудом будут работать не только Горьковский Иванова, Георгий Штерн, Лев Никулин и другие, но и горьковские писатели Николай Кочин, Михаил Штерников и другие. Пиже мы знаем более или менее полный список всех участников.

Итак, большинство московских участников выехало в Горький. То были: В. Иванов, Е. Габрилович, Л. Никулин, А. Караваев, Б. Агапов, К. Зелинский, Г. Штерн, В. Нейштадт, Г. Корсабинский, Н. Заруцкий и пишущий эти строки. В первый же день произошла встреча с горьковскими литераторами — с Кочным, Штатовым, Бирюковым и другими. И в первый же день мы встретились в зале заседаний краевого комитета партии с секретарем крайкома Праняком, который еще недавно был рабочим авиационного завода, с председателем горисполкома Ю. Кагановичем, побывавшим на работе во многих углах края, и одним из талантливых строителей Дзержинска, с работником крайкома Д. Шимитом, в котором все узнали старого знакомого, бывшего в свое время их редактором по «Проектору».

Работники крайкома и исполкома выразили желание, чтобы писатели, прежде чем приступить к изучению архивов и живой жизни огромного края, равного по своей величине некоторым европейским государствам, для начала, как говорится, познакомились, хотя бы и поверхностно, с крупнейшими промышленными объектами края: с заводом, с Череповским химическим комбинатом и Балахной.

Чем замечательна эта поездка? Мы скажем, что она стала из потребностей провинциальной и дал в прошлом году нашей стране пятьдесят миллионов хлеба, т. е. вывез его из своих пределов. На его полях появились большие массивы пшеницы, затем он может похвастать большими и культурными коневодческими комплексами, откуда уже вышли многие знаменитые лошади. Мы скажем, что этот край обнесен лесами, что его омывают такие замечательные реки, как Волга и Ока, что он имеет свою металлургию — это Выксунский и Кудобский заводы; мы скажем еще, что край стал краснопашенным и один только г. Горький населяют сотни тысяч пролетариев. Десят человек ходят по улице, и семеро из них — промышленные рабочие, а в Горьком живет свыше полутора миллионов человек.

Были первыми. Мы стояли на трибуне на главной площади. Прислали молодые краснопашенки. Затем начался парад. Пас, прибывших в московский парад и, по совети говоря, не ожидаясь от горьковского парада ничего величественного, зрелище это поразило именно своей величественностью, оно поразило нас и образовало.

Мы показывали друг другу продвинувшиеся мимо танки на резиновой

ходу и тяжелые и легкие орудия, на отличных кавалеристов, прекрасную пехоту, на звеня аэропланы, совершенные танки и над площадью и отрядами осаждавших нас. Нас разогнали в близлежащей чистоте орудия, нас разогнала молодая армия, седьмая за руль, моторизованная и повсюду выходящая в качестве своем за последние годы.

Лого шли рабочие колонны! Они стекались не только к главной площади Горького, но и к трибуне автозаводского района, и к Дворцу культуры в Сормове, и к центру Канавина. В тот же день мы побывали на автозаводе. Кончился митинг, рабочие разошлись по домам. Мы осматривали деха. Новые машины, сошедшие накануне с конвейера, толпились во дворе. Желтые газонки, и голубые автобусы, и синие грузовики ждали, пока их погрузят на платформы и развезут по стране, в города и деревни. К сожалению, был вихорной день — и в цехах были только лежущие рабочие. Вот он, главный конвейер, с которого ежедневно спускают полторы сотни машин. Каждые пять минут шаши обрастают всеми частями — и задним мостом, и колесами, и кузовом, и баллонами.

Свежая краска покрывает его бока — каменные пять минут на землю схлопнет новая машина.

Еще строит и не устроен автозаводский жилой район. Скучны дома-коробки, жертвы детской болезни нашей архитектуры, доведенной до абсурда риксованным стилем Корбюзье: из улиц в ненастные дни непроходимый грязь, — сыро тут и неустроенные такие замечательные реки, как Волга и Ока, что он имеет свою металлургию — это Выксунский и Кудобский заводы; мы скажем еще, что край стал краснопашенным и один только г. Горький населяют сотни тысяч пролетариев. Десят человек ходят по улице, и семеро из них — промышленные рабочие, а в Горьком живет свыше полутора миллионов человек.

Будем же надеяться, что пока мы будем писать историю, Автозаводский район покроется бетонированными дорогами и цветниками и что в книгу войдет уже ильм — без полевонской грязи, без членовредительских трашей и мусорных куч.

Если исключить небольшой искоренный участок пути, то можно сказать, что в Дзержинск идет отличное шоссе, такая длинная многовер-

стная стрела из утробованного гурона. Новый город Дзержинск стоит в лесу. Трамвай идет по алле, ему без году неделя — и рельсы, и столбы, и троллейные провода, все это было уложено, поставлено и повешено в три месяца.

Четвертый день мы посвятили горячему обсуждению будущей книги. Каждый выбирал тему, которая ему ближе, которой дано живет его литературная душа. Исторический, если можно выразиться, писатель Г. Штерн, избрал, так сказать, прошлое Нижнего-Новгорода. Б. Агапов, хорошо знающий автозавод, остановился и сейчас на этой теме, собиравшись перейти от отрывочных очерков о заводе к полному его описанию, да будет рассказаны все события, связанные с его возникновением, стройкой и освоением, и где пройду перед читателем лучшее его строительство; Вс. Иванов любил (да простится мне это выражение) Волгу и пароходство; тему мяснства и его гигиены и полупролетариев Сормова избрал Е. Габрилович. Кетани, в Сормове есть такая любопытная улочка — Полупролетарская. Об Александре Яковлеве (он отсутствовал) было известно, что он работает над Сормовом. Тема нового города Дзержинска вхожунами А. Караваеву; деревне посвящает себя Н. Кочин и С. Гехт (мне надоело выражение «пишущий эти строки»). Балахну изучает А. Муратов — горьковский писатель, и над деревенскими (вернее, колхозными) темами будут работать горьковцы, которые в большинстве своем сами вышли из колхозов края.

Так мы распределили, так сказать, объекты для изучения и внимательного знакомства. В конце мая мы снова соберемся в Горьком и разберемся по всему краю.

Мы побывали еще на Балахне в городке Правдинске, и городок этот с его веселыми коттеджами и зеленой производит приятное впечатление. Мы увидели, как делается та бумага, на которой печатаются почти все наши газеты. Огромные дефибры размалывают баланс (окоренные поленья), древесная масса шла дальше и на наших глазах превращалась в бумагу.

Можно сказать, что создание истории края началось. Многие из нас участвовали в книге о Беломосте. Возвращаясь в Москву, мы много говорили о том опыте, который получили, и о тех недостатках, которых надо избежать и которые сейчас нам куда важнее.

С. ГЕХТ.

ЮБИЛЕИ ФИРДОУСИ

Сессия Института востоковедения

Институт востоковедения Академии наук СССР и Эрмитаж создают в мае сессию, посвященную 1000-летию со дня рождения величайшего персидского поэта Фирдоуси — автора поэмы «Шах-Наме».

Для участия в юбилейной сессии в Ленинград приедут члены всеююзного юбилейного комитета, представители ученого комитета ЦИК СССР и литературных организаций.

Сессия откроется вступительным словом проф. Орбеи «К 1000-летию со дня рождения Фирдоуси». На сессии будут доклады акад. Самойловича, профессоров Якубовского, Бертельса, Фреймана и других.

Оргкомитет ССП и ИКП обратился к местным оргкомитетам с предложением выдвинуть кандидатуры для работы в ИКП. По всем районам предприятий Москвы развернута кампания по набору.

ПО ЛИТКРУЖКАМ

● Лучшим детским литературным кружком Ташкента считается кружок при редакции газеты «Пионер Востока». Кружок объединяет 20 чел. Проводит ряд школьных литчтений и утренников, на которых ребята читают свои произведения.

● В литкружке завода им. Калинина (ст. Подъячь) 20 чел. Кружок систематически выпускает литстраницы. По требованию кружков Оргкомитет посылает на завод руковода.

„МИЛЛИОНЕР, ДАНТИСТ И БЕДНЯК“

В московском государственном еврейском театре идут усиленным темпом репетиции водевилей «Миллионер, дантист и бедняк» (название условное) в переводе и литературной обработке М. Литвакова.

До отъезда театра на гастроли будет закрыта генеральная репетиция спектакля. Осенью театр откроется этим спектаклем.

12 мая Московский ГОСЕТ выезжает на гастроли в Тифлис. Маршрут гастрольной поездки: Тифлис, Минск, Харьков, Днепродзержинск, Николаев. В ноябре — премьера «Короля Лира».

ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

Институт философии Комкадемии издает односторонний «Философский словарь» размером в 60 печатных листов. Цель издания этого словаря — дать партиянку и советскому студенту необходимое пособие по вопросам марксистско-ленинской философии: диалектическому материализму, историческому материализму и истории философии. Он призван помочь учащимся в самостоятельной работе над философскими работами основоположников марксизма и ленинизма.

К работе над словарем привлечены до 150 чел. — крупнейшие работники философского фронта и других наук. Весь материал по словарю будет слан в печать в ближайшее время. Выход его в свет намечается на осень этого года. (ТАСС).

ОТ РЕДАКЦИИ

Дополнительные расследованиям установлено, что факты в фельетоне Д. Кальма «Ветерская располза» («Л. Г.», № 49 от 20 апреля), относящиеся к редакции журнала «Знамя», не подтвердились.

ПОПРАВКИ.

В № 55 «Литературной газеты» в фельетоне Ал. Дятла «Ах, выши сбавля!» выпал послелог «а». Исправлено: «Поэтом с дипломатической утилитостью... и т. д. должен был стать следующий абзац: «Многие можно было бы сказать в ответ скептическому собеседнику в неважных роговых очках. Но это прозвучало бы для него слишком агитационно и плакатино».

Напечатанное в № 56 письмо Димон-Дос-Пассоса адресовано т. В. Степану.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ИЗВЕЩЕНИЯ

8 мая, в 19 ч., в Институте литературы и искусства Комкадемии (Волхынка, 14) — доклад т. Розенфельда «Принципы исторического изучения устной поэзии».

8 мая, в 20 ч., в Оргкомитете ССП (ул. Воробьевского, 52) — доклад В. Перцова «Оригиналы и литературный портрет».

9 мая, в 19 ч., там же — чтение сценария Н. Ф. Погонина «Заключенные». Вступительное слово М. Я. Шнейдера. Вход по пригласительным билетам.

УТЗП НАРКОМПРОСА СССР. ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. Артистская секция. 9 мая совещание бригады профессоров психологии, психиатрии, физиологии, динамики театральных проф. Календа, проф. Петрова, проф. Гудляк, проф. Орлов, проф. Волонников, театроведы: Шнейер, Марков. «О путях развития театра и его творчестве». Нач. в 9 ч. веч. в помещении ВТО.

ВНИМАНИЮ КЛУБОВ. Ленционно-экспонированное бюро культмассового отдела Моссовета (ЛЭБ) и Всесоюзному съезду советских писателей организуя: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛЕКЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА, ВЕЧЕРА РАБОЧЕЙ КРИТИКИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОНТАЖИ: «ДУСИМА», «ПОДНЯТА ЦЕЛНА», «КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ», «12 СТУЛЬЕВ», «КАНАЛ ИМЕНИ СТАЛИНА».

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и на днях рассылается подписчикам журнал ОКТЯБРЬ № 3. СОДЕРЖАНИЕ: Роман Роланд — Далеко ли я пишу Феликс Коу — Памяти А. В. Давыдовского И. Чуковский — Поступок, роман Л. Янко-Славяк категория, роман (продолжение). Василий Каминский — Иван Волонников, повесть Л. Солонина — Новый дом, повесть А. Гудляк — Печень наших дней. Э. Мадарас — Минское шоссе, стихи. Акт: Януш — Тень поэзии, Л. Уман — Бит, рассказ Л. Черномырцев — Праздник промышленов, стихи.

LE JOURNAL DE MOSCOU. Le seul hebdomadaire français en URSS. Redacteur en chef: S. Loukianoff. Le Journal de Moscou vous donnera le tableau précis de la vie sociale et intellectuelle de l'URSS. Le Journal de Moscou vous tendra au courant de la vie artistique, littéraire et scientifique de l'URSS. Le Journal de Moscou vous renseignera sur la politique intérieure de l'URSS et sa lutte pour la paix. Le Journal de Moscou vous fera connaître l'opinion soviétique sur la politique internationale. Le Journal de Moscou publiera les documents sur la vie politique mondiale dont il rapportera les faits importants et mal connus.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ и рассылается подписчикам ЖУРНАЛ «ЗВЕЗДА» № 3. СОДЕРЖАНИЕ: Литературно-художественный отдел. Павел Даллакки — Рыцарские добродетели (роман) (продолжение), Василий Савон-Ститт — Лев Муслимов (Савон-Ститт), Лев Муслимов (Савон-Ститт), Александр Азар, художник — А. Лавос, композитор Александр Романов — Ветераны — Сиреневая голубка (на слова). ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ. Елена Дьяченко — Читатель Чарской.

Находитесь в печати и в ближайшем дим выйдет № 4 журнала ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ. Под редакцией А. П. Афонникова. В номере: Конкурс на лучшую пьесу. В. Кирилов — Чудесный оплав, премьерная пьеса в 4-х актах. С. Гавзбург — В лаборатории драматурга. «В борьбе за выработку творческой мысли». Р. Нисель — Критика наших критиков. В. Назаров — О славных актерах и теории тов. П. Ноллинго. О. Литваков — Театральная лампа. В. Суданов — Веселые и первичные элементы актерского творчества. На сцене Орлеа драматургов. По СССР. В номере четыре многоцветные вкладки, шесть двухцветных (дубли) иллюстраций и 40 фотоснимков с документами. Цена номера в розничной продаже — 8 руб.